

Рассказы для журнала « Наш современник».

Ваня и Му-Му.

Произошло это в орловской деревне во Мценском районе, неподалеку от известного Спасского-Лутовиново. В общем, что это за событие? Смеху подобно, да и только. Но в окрестных деревнях почесали языки. И все из-за обыкновенной дворняжки, рыжей, блохастой, хромой, неизвестно откуда взявшейся, бездомной.

Местный остряк, любитель тургеневских произведений, кинул ей кличку Му-му, и она прилипла к дворняжке.

Му-му постоянно искала дверь, куда можно было прибиться, чтобы хотя бы на время покончить с голодным существованием. Она осторожно подкрадывалась к порогу, откуда ее не сразу гнали. Останавливалась неподалеку и терпеливо ожидала. Постоянная голодуха и сердитые нравы сельчан, опасавшихся за сохранность курино - гусяного поголовья, научили ее главной собачьей премудрости – изображать преданность любому хозяину и злость к тому, кто приближался к чужому порогу. Таких Му-му беспощадно облаивала. За это иногда хозяева бросали ей куски хлеба. На хлебцы собака набрасывалась с жадностью, а один кусок всегда утаскивала и зарывала.

- Такая собачка не пропадет, - говорили люди одобрительно.

Но Му-му, которая охотно отзывалась на свою новую кличку, очень тяготилась свободой. Но, увы, никто из сельчан не желал стать для нее местным Герасимом. Еще кличку такую прилепят – Герасим и Му-му.

И все же Му-му обрела себе хозяина – пастуха Ивана, которого кто-то называл забулдыгою, а иные Силой. Иван разрешил Му-му сопровождать себя, когда разыскивал горячительные напитки или средства приобрести их.

Странно, но Ивану кличку Герасим не лепили. О нем говорил его сосед:

- Какой он Герасим? Сморчок, у него и рожа кривая.

Иван Му-му всегда бросал подачку из своей закусительной трапезы, чаще кидал огурцы и куски черствых батонов. Но пес и этим был доволен и не убегал, когда Ваня становился мертвецки пьяным, а покорно сидел рядом и ждал, когда Ваня начнет вертеть головой и материться. А тут такое случилось, что стало понятно, почему же к Ивану не прилепилась кличка Герасим. И это не только из-за внешнего несходства.

В село заехала как-то белоснежная машина «Лада». За рулем сидел мужчина, одетый так, что сразу было понятно - он не бедняк. Водитель направлялся в Спасское. На родину Тургенева всегда приезжало много разных людей.

Владелец «Лады» остановился у колодца, видно, почувствовал жажду – денек- то был жаркий. А может, ему просто захотелось попробовать, а какова водичка в этих местах, которые так хвалил знаменитый на весь мир писатель. И тут на глаза проезжему попался Иван, он уже был немного выпившим алкоголя. Шел, не имея в виду никакого направления. Поодаль от

него плелся пес, но, заметив что-то в пыли, немного отстал и начал в ней копать.

- Му-му, - крикнул Иван.

Пес радостно подскочил на зов.

Водитель «Лады» мгновенно встрепенулся. И у него уже как ни бывало скучающего взгляда, заторможенных движений усталого путешественника.

Водитель громко крикнул:

- Му-му, здорово!

А потом обратился к Ивану:

- А тебя, кореш, как прозывают?

- Я – Ваня, - важно произнес хозяин Му-му.

Он хотел прошесть мимо, но по причине нетвердости в шаге остановился рядом с «Ладой». Водитель явно заинтересовался и Му-му, и ее хозяином. Иван уже готов был завязать какой-нибудь увеселительный разговор. Ездят же всякие чудаки изучать достопримечательности тургеневских мест.

- Значит, собаку твою Му-му зовут? – уточнил заезжий.

- Да, ее прозвали так в честь той Му-му, о которой писал Тургенев. Читал? – приосанясь, спросил Иван. Он сам Тургенева не читал, но про Му-му ему рассказывали. И он сочувствовал больше Герасиму, чем собаке Довели мужика, елы-палы.

- Читал, читал, - проговорил заезжий. – А что твоя-то Му-му такая дохлая?

- Так ведь жизнь какая? Дорогая, - ответил Иван.

Он уже намеривался пойти прочь. Что балясы попусту точить. Но заезжий вдруг спросил по существу:

- Ты мучаешься?

- Да, малость, - тихо ответил Иван, покорно опустив голову. Тут же резко поднял ее и кинул на водителя выжидающий взгляд. Тот спросил:

- Хочешь, поддержу?

- Ага, - Иван приободрился, ох как приободрился. Если б у него был хвост, закрутил бы им почище Му-му.

- Ну, тогда прежде потешь, - сказал заезжий, снял свою кепку и оказался лысеньким. Ваня озадаченно почесал свою нечесаную шевелюру. На потехи для таких гостей он был не мастер. Да и вообще кураж у него просыпался только после выпивки первой бутылки.

Лысенький усмехнулся, подмигнул Ивану, будто записывал его к своим приятелям, пошел к машине, вытащил из кабины черную спортивную сумку. А из нее бутылку. Эх, как сверкнула она на солнце! Иван подумал, что ради такого подарка любая служба в дружбу.

- Устрой потеху, - весело попросил лысенький заезжий, - утопи свою Му-му. – И воззрил на Ваню острый лукавый взгляд.

Иван хмыкнул. Он юмор ценил в любом состоянии, но особенно, когда намечалась выпивка. Он сверкнул весело глазами и шагнул к лысенькому. Тот спрятал бутылку за спину и воскликнул:

- Давай, потешь, а то скука.

Водитель присвистнул собаке. Но она сидела спокойно в стороне, не ведая, что сию минуту решается ее судьба. Иван стоял рядом и смеялся. Скоро будет выпивка? И он бросит, может быть, собаке хвостик пахучей селедки?

- Потешь, - опять попросил заезжий и заулыбался. Видно было, что потеха для него уже началась.

Ваня наконец осознал, что заезжий вовсе не шутит. Бутылкой он не то что манит, а приманивает. Он может ее отдать, но только за потеху, вот стервец! Иван внимательно смотрел на его улыбающуюся масленистую физиономию, на сверкающую зеркальную стеклами машину и на худую, никому не нужную Му-му. И в мозгу Ивана совершилась непостижимая умственная работа. Вот только он не мог найти должного выражения ей в действиях.

Лысый посмеялся и пошел к своей машине. Вот здесь с Иваном что-то произошло. Он схватил бедную Му-му, бросился к водителю и закричал:

- Пойдем, утоплю ее, утоплю ее гадину! Бегает за мной, куски выпрашивает. Надоела, паршивая, опротивела.

Иван кричал, а лысый спокойно и даже деловито командовал:

- Ну, ну, пойдем к реке. Сейчас дам веревку, привяжешь собаке камень на шею, понял, чтоб все было по-настоящему, а иначе...

Он не договорил, что будет в случае мухлеза, но Ваня торопливо заверил, что Му-му так ему надоела, что и глаза на нее уже не желают глядеть. Ничтожная, блохастая собака, мразь, да и только.

Лысый вытащил веревку из багажника, толстую, крученную. Иван вырвал ее. Вместе с заезжим он пошел к реке. По дороге к ним приблизились двое пацанят, которым Иван с какой-то надрывной отчаянностью объяснил, что идет топить Му-му, потому что она взбесилась и бросается на всех честных людей. Вот только что покусала водителя. Почему у Ивана возникла эта версия, вряд ли бы он смог объяснить, но ему сейчас было так плохо, так тяжело, что он был готов на все, о чем просил водитель.

Пацанята недоуменно поглядывали на Му-му, которая впервые была удостоена такой чести – ее нес на руках сам Иван, которого она так любила, что не удержалась и лизнула ему лицо.

- А, стерва, боишься! – почти со слезами в голосе воскликнул Иван.

На берегу реки он командовал ребятишкам:

- Ищите камень, будем топить собаку.

Дети бросились лазить по кустам, а Иван носился по берегу, выбирая место, где можно было осуществить задуманное. Заезжий наблюдал с флегматичным интересом.

Наконец камень был найден, такой, за который можно было зацепить веревку. Иван действовал удивительно ловко. Му-му будто только теперь почувствовала опасность, тихонько заскулила.

Ваня приподнял ее, прижимая камень под мышкой, решительно шагнул к реке.

Вдруг он остановился у самой воды и замер. Зрители насторожились.

- Ну, - подал голос лысый. Иван не шелохнулся. Он стоял, как вкопанный. Никто не видел его лица, но плечи Ивана почему-то затряслись. Он то ли

засмеялся, то ли заплакал. Наконец он оглянулся. Лицо его полыхало гневом. Заезжий сделал шаг назад. Но Иван не смотрел на него, он глядел в пространство, и его сведенные губы с трудом произносили слова:

- Я чуть было ни утопил собаку Му-му. Она только одна меня любит.

Иван выхватил камень из подмышки. Лысый, теперь уже в виду реальной опасности, бросился наутек, так что засверкали голубые подошвы кроссовок.

Иван упал на берегу и зарыдал, а Му-му, с веревкой на шее, подползла к нему и стала лизать его трясущиеся руки, бьющуюся голову.

Через несколько дней Иван спокойно и весело рассказывал за бутылочкой своим корешам, как он в самом деле чуть ни утопил Му-му, как сильно потемнело у него тогда в башке в желании получить бутылку. А все из-за того, что иногда приезжает всякая шваль на родину Тургенева и совершает не приключения, а исключения. Иван заявил, что спасение собаки спасло и его мятущееся сердце. Он даже не стал теперь много пить, а пошел собаку кормить.

Розы для Георгия.

(Рассказ)

Георгий Басов всегда называл себя истинным россиянином. И с радостью заявлял, что он живет в центре России, на берегу реки Оки, в замечательном месте, в Монастырской слободе. Это место он называл еще Монастырской Венецией. Когда здесь был разлив реки, Георгий вместе с друзьями курсировал по реке на самодельных дощатых плотках. А когда вода сходила, Георгий со своей матерью много копошился на своем огороде. Сын сажал по углам огорода цветы. И это у него получалось очень удачно. Такими красивыми, пышными вырастали гортензии, гладиолусы, что на цветы Басовых любовались все соседи. Но мать осаживала сына нещадно:

- Что ты тратишь нашу землю впустую? Раз сажаешь цветы. То продавай их на базаре.

Но Георгий не продавал цветы, а дарил многим. И еще привадились кошек бездомных собирать. Их ведь в речных зарослях шлялось столько, что впору было бы зверинец открывать. А Георгий мало того, что для кошек из дома утаскивал пропитание, так еще в дом стал таскать больных бомжей и покалеченных. Тогда матушка устраивала ему головомойку:

- Ты что родной дом хочешь превратить в непотребное общежитие? Где ты сам будешь обитать? Не делай свой дом тюрьмой.

Георгий ответил, будто ему кто-то подсказал:

- Не буду делать тюрьмой, а сам окажусь в тюрьме.

- За какое преступление? - удивленно воскликнула мать.

- За собственное правосудие.

Так и случилось на самом деле. Злоключение у Георгия началось, когда он стал дружить с православным священником Василием. Его прислали в Монастырский приход издалека. Он сразу всем понравился за свое

милосердие и заботливость о прихожанах. Батюшка был седовласый, с пышной бородой и с ясными синими глазами. Говорил он неспешно, но очень внушительно. Вначале народ повалил в храм поглазеть на нового священника. А потом все увлеклись его речами. Он так интересно рассказывал библейские истории, будто сам был их свидетелем и участником. А потом некоторые стали обходить храм, когда батюшка начал сокрушаться, что слобода будто без головы живет, потому что на монастырском храме нет купола. Он заявлял, что на слободе живут дети и внуки тех, кто разрушал храм, вот им и нужно его восстановить.

- Люди добрые, кому не жалко на богоугодное дело приносить копеечки трудовые, несите. Мы обязательно соберем столько денег, что сможем восстановить храм во всей былой красе.

Старушки в толпе подтверждали, что храм был прекрасен, а золотая его голова отражалась в реке. Георгий, стоящий среди народа, так зримо представил эту красоту, что у него аж затрепетало сердце. Он первым после молебна подбежал к батюшке. И тот сразу обратил на него свой пронизательный взор.

- Я, батюшка, хочу, очень хочу помочь в таком деле. Правда, я только недавно школу закончил, и денег у меня пока что нет.

Отец Василий с сияющей улыбкой произнес:

- Ты молод и силен, нам твои руки очень быгодились. Твое сердце откликнулось, значит, будешь помогать нам в строительстве. Люди нам на стройку уже и денег дают..

И вправду, все, к кому обращался батюшка, окунались в свои кошельки, складывали денежные бумаги и монеты в жертвенный ящик. Давать деньги на будущую красоту было не жалко жителям слободы, которым надоело зреть только унылые многоэтажки, обступившие их дома со всех сторон. А одна женщина, у которой сын был владельцем магазина, расположенного неподалеку от храма, подала батюшке несколько стодолларовых бумажек, сказав радостно:

- Магазин рядом, и храм получается наш. У вас дела пойдут, авось и наши тронутся.

Батюшка поблагодарил женщину и произнес:

- Дай Бог, чтоб Он принял вашу жертву. А вы, люди добрые, не смущайтесь, что мало можете дать. Иногда и копейка дело вершит.

Георгию в самое сердце запали эти слова батюшки. Он был счастлив, что ему разрешили работать для восстановления храма. И он со всем пылом молодой, стремящейся к добру души, начал работать так. Что отец Василий постоянно остерегал его:

- Ну, что ты так ломишься? За тобой никто не может угнаться. Нечего спешить себе и другим во вред. Вон как ты раствор месил, что на ладонях мозоли и язвы до крови набил. Кирпич так спешил подавать, что один даже на себя уронил и фингалом лицо разукрасил. Людей ты так уже загонял, что просто жалуются на тебя.

Но Георгий не мог работать без особого рвения. Ему так хотелось, чтобы люди побыстрее смогли любоваться на красоту храма.

Ругала сына и мать, не желая понять его горячей устремленности:

- Ну, что ты от светла до темна торчишь на церковном дворе? Больше всех там готов расстелиться.

А сосед Георгия, дядя Ваня, очень одобрял ретивую настроенность юноши:

- Как хорошо, Георгий, что ты при храме пристроился. Там нет алкашей, они кого угодно собьют с пути. Вот такой захлебуха моей дочери Нины муж. У него трое детей, их даже кормить-то нечем. Как дочь приходит ко мне. То такой рев устраивает! А я сам инвалид никчемный. На одну мою маленькую пенсию все живут. Да разве такую ораву прокормишь?

Нина каждый раз, когда приходила к отцу, то во дворе устраивала публичную истерику.

- Что мне делать? В мот полезу, больше некуда. И побросаю в речку детей, как котят. Пусть лучше умрут, чем живут впроголодь с нашим алкашом. Все из дома утянул, там хоть шаром покати. А лучше нам всем в речке утопиться, чтоб не мучиться изо дня в день.

Соседи привыкли к Нининым воплям. У той и мать всегда орала. Как оглашенная на весь двор. А у Георгия душа разрывалась, когда он слышал вопли Нины. А вдруг и вправду она окончательно очумеет и ребят побросает в речку? Они сопливые, оголтелые, но забавные. Несколько раз попадали мечом в окно дома Георгия, а однажды разбили его вдребезги, за что мать Георгия бросилась на Нину чуть ли не с кулаками. А та взревела настоящей коровой, так что матери пришлось ее же и утешать.

Георгий потихоньку из своего буфета утаскивал детям конфеты. Самому маленькому.

но самому чумазому давал три штучки, среднему, задиристому, вручал две, а старшему неслуху оставалась одна, на разживу. Но он у братьев выманивал по одной конфетке. Они потом жаловались Георгию. Но он всех успокаивал будущими подачками:

- Скоро я заработаю много денег, и всем достанется много конфет. Будете есть, сколько захотите.

- Я могу съесть целый мешок, - заявил маленький мальчик.

- А я на спор три мешка проглочу, - заявил старший ребенок.

Они верили, что Георгий устроит им скоро конфетную объедаловку, и матери меньше надоедали, выпрашивая куски хлеба.

А мать Георгия будто почувствовала беду от этого семейства, ругала сына с невиданной злостью:

- Ты не приваживал бы эту босоту. Глазищи у них отцовские, непутевые, того и гляди, что-нибудь сотворят или из дома утащат.

Может, и права была мать, только Георгию было жалко детишек. Наверное, он не переживал бы, если они и в самом деле что-нибудь утащили из его дома. Только чем они могли поживиться себе на утеху? Разве что

птичкой на крышке будильника, который подарили матери, когда она уходила на пенсию из «Вторчермета». Она, глядя на часы, часто вздыхала:

- Всю жизнь болванки грузчицей таскала. Тонны перегрузила, а болванкой наградили.

Георгий отвечал:

- Да нет, мама, какая это болванка? Посмотри, птичка, как настоящая. Смотришь на нее, а она будто сейчас и запоет.

Мать вздыхала. Да, сынок как есть ребенок, в отца, наверное. Непутевый, который на игрушечную фабрику устроился работать, хотя там копейки платят. Вот и семья жила на зарплату грузчицы. А когда муж попал под машину, погиб, и схоронили его на монастырском кладбище, им тяжелее не стало жить. Мать так и осталась главной добытчицей для семьи и надеялась, что сын все же освободит ее от груза забот.

Мать утешал отец Василий:

- У вас, Елизавета Петровна, парень редкостной души. Такому юноше место в монастыре.

- Еще чего, не пуцу. Да дурной же он.

- Он людей очень жалеет. Сам богатство не наживет, но всегда будет богат радостью.

Елизавета Петровна не пожелала спорить с батюшкой. Ему, наверное, все виднее. Ему люди доверяют свои деньги. Он сделает купол церкви, который будет виден по всей округе. Может, Георгия он вразумит?

Отец Василий на проповедях был многоглаголив. Георгий любил его слушать. Много он разговаривал с батюшкой и наедине. Батюшка говорил ему:

- Вот посмотри, Георгий, на картинке, какой красивый у нас будет иконостас. Я выбрал иконы древнего письма. Наш-то храм - самый древний во всем городе.

Батюшка радовался, когда лицо Георгия тоже освещалось радостью. Георгий прямо-таки приходил в умиленный восторг:

- Да, да, я вспомнил, такая красота однажды мне приснилась. Я помню, я тогда будто в сказке побывал, так весело, радостно было там.

- А ты, Григорий, призван создать эту красоту.

Слова батюшки только усиливали его рвение. А домой эту радость и доносить порой не удавалось. Дядя Ваня сидел на лавочке, словно гриб сморчок, сморщенный и насупленный и с болью в голосе сказал:

- Опять Нину изверг избил, детей исколошматил. Все подчистую из дома утащил. Вот такие тяжкие дела происходят, Георгий. Старшему мальчику нужно в школу идти, а у него голый пупок. А сейчас дети какие – обсмеют малого, как гадкого утенка, он и в школу не станет ходить. А знаешь, сколько учебники стоят? Моей пенсии не хватит. Но больше всего я за Нину боюсь. Ополоумила совсем девка.

И тут Нина сама выскочила из подъезда, растрепанная, как лахудра, зареванная с красным носом, как у деда Мороза, да еще украшенная синяком под правым глазом.. А недавно ее королевой двора величали. Губки ее

были красивым бантиком, а носик - легким крантиком. А теперь она только сопли собирала и рыдая выкрикивала:

- Это не жизнь, ничего мне теперь не мило.

И поглядывала она на речку с такой злобой, что сердце у Георгия начинало бухать погребальным звоном. Он садился на лавочку рядом с Ниной и начинал ее спокойно и терпеливо утешать, как отец Василий:

- Ты бы, Нина, в храм теперь ходила. Это тебя успокоит.

- Не хочу.

Нина отворачивалась от Георгия. И остервенело начинала растирать свой синяк. А чего его тереть, он же сильнее засемафорит, если ему покоя не дать. Но Нина не хотела успокаиваться ни одной своей клеточкой:

- Я уже себе веревку приготовила. Чтоб долго ее не искать.

- Ты бы поставила в церкви свечку, чтоб успокоилась твоя душа.

Нина обернулась и стала смотреть на Георгия с такой огромной печалью и попросила его:

- Ставь за меня сейчас свечки за здоровье, а скоро поставишь за упокой.

Дядя Ваня за спиной дочери крутил пальцем у виска, показывая, что Нина совсем свихнулась. Последние дни никак ее нельзя было успокоить.

Георгий воскликнул:

- Зачем ты так говоришь, Нина, у тебя же дети?

Нина резко припечатала рукой по лавке и воскликнула:

- Детям я дорога, как и папаша. Штанов им не могу купить. И это тогда, когда у других дети с жиру бесятся, по заграницам и курортам мотаются. Я – самая несчастная, и некому мне помочь.

- Я помогу тебе, - сказал Георгий.

- Ты? – удивленно спросила Нина. И посмотрела на тонкие руки Георгия, легонько теребящие стебелек. – Когда мне поможешь?

Георгий, не задумываясь, сходу ответил:

- На той неделе я дам тебе денег. Подождешь?

- Подожду, - с готовностью ответила Нина и тут же спохватилась и спросила, - где же ты возьмешь денег?

Нина пристально смотрела на Георгия. Уж не смеется ли он над нею? За такую насмешку и взбучки мало. Георгий стал таким серьезным и задумчивым, будто остался наедине, но снова обратился к Нине:

- Всегда найдутся добрые люди.

- Да где ж они? Я не вижу их.

Нина пыталась поймать устремленный вперед взгляд Георгия. Она спросила озадаченно:

- Может, Козлов из своей крепости что-нибудь подкинет?

Нина кивнула с вопросительным взглядом на соседний громадный дом, который строил новый деляга Паша Козлов - крупный бизнесмен.

Но Георгий не стал ничего объяснять, он встал и пошел прочь, сказав Нине:

- Жди, я принесу тебе денег сам.

- А ты не брешешь? – крикнула вдогонку Нина.

Вот задачку задал себе Георгий, пообещав снабдить Нину, хотя сам, по ее выражению, был голозадый и лопухий. Но разве мог он не пообещать ей, когда она была в таком отчаянии? Но где же взять столько денег? Его зарплату ходила получать в храм сама мать. Не доверяла своему оболтусу ни копейки, которые он всем раздавал. Конечно, малые деньги прибывали, но хоть на стол можно было что-нибудь поставить. Но у матушки из ее цепких рук ничего нельзя было выманить.

Долго, целую ночь думал георгий о помощи Нине и наконец придумал, как найти для нее денег.

Уже через неделю он зашел к дяде Ване в комнату, где за столом с пустой миской сидела зареванная Нина. Она даже не посмотрела в сторону Георгия и что-то бубнила с остервенением, зачем-то оттирала цветок на старой клеенке.

Георгий положил около миски пачку денег и сказал:

- Вот принес деньги, хватит тебе на расходы, Нина?

Она очумело воззрилась на деньги, как на невиданный дар, привстала и рухнула на стул. Еще бы не рухнуть, она таких денег сроду не видела.

Она спросила таким ангельским голоском:

- Эти деньги мне?

- А кому ж еще?

Нина перевела вопросительный взгляд на отца, но тот был ошарашен еще больше дочери, так что онемел, наверное, надолго.

- Когда вы пойдете покупать вещи детям? – ненавязчиво поинтересовался георгий.

- Вещи? – Нина все еще не могла придти в себя, но вдруг живо- живо затараторила. – Да, сейчас, сейчас пойду пок4упать вещи и еду. А где ты, Георгий взял деньги? У Козлова в долг?

Этот вопрос вывел отца Нины из оцепенения, и он воскликнул:

- Козлов не даст денег.

Но у Нины пропало желание пытать Георгия. Она подхватила деньги и закружилась, как бабочка перед светом, перед Георгием, собираясь за покупками. Она натянула одну поношенную кофтенку, полыхавшую розовым цветом, видно, любимым Ниной, о чем ей сейчас захотелось почему-то себе напомнить.

- Нина, тебе денег и на платье хватит, - сказал Георгий.

- Хватит! – радостно воскликнула Нина. Легким движением руки она пригладила свои лохмы, отчего они легли нужной волной, и вся устремившись вперед, упорхнула, словно птица.

Георгий, не мешкая, вышел в след за Ниной. Не хотелось ему терять ее радость, которая дала искру и в его сердце. А под обстрел дяди Ваниных расспросов ему тоже не хотелось попадать. Но Георгий, в отличие от Нины, не полетел, а вроде пополз вдоль монастырского бульвара, в сторону обшарпанного желтого здания, куда жители слободы так не любили приходить, разве если только великая нужда никого не одолеет, которая кого

угодно может привести в райотдел милиции. Георгий выразил желание охраннику, что ему необходимо попасть к начальнику УВД. Тот ответил:

- Сегодня неприемный день у Кузина.

- Но у меня важное для начальника дело.

Охранник пропустил Георгия. Он зашел в просторный кабинет, где большой вентилятор гонял свежий воздух. Толстый начальник сидел в кресле и шевелил бумаги на столе. Кузин не мог найти повод для разрядки после полученного нагоняя от генерала. Тот на оперативном заседании, как оглашенный, накричал на Кузина при всех, что у него низкая раскрываемость преступлений, и его давно пора гнать из органов за профнепригодность, не дожидаясь полковничей пенсии.

- Что тебе нужно? – раздраженно воскликнул Кузин. Просители и жалобщики почище летних мух одолевали начальника с утра и до вечера.

Георгий остановился у двери и сокрушенно произнес:

- Я пришел рассказать о преступлении.

- О преступлении? О всяке? – Кузин имел в виду, что нераскрытое еще одно преступление снова повиснет на его многострадальных погонах. Но Георгий был неискушен в юридических терминах блюстителей закона и поэтому не знал, что ответить, пока Кузин ни заорал на него:

- Преступник опять не найден?

- Найден, конечно, найден, - живо подтвердил Георгий.

- Где же он? – сразу же встрепенулся Кузин.

- Вот он, перед вами.

Кузин помолчал, прикидывая, что за его бытность начальником никто не приходил сдавать себя так решительно. Но Кузин уже смирился, что каждый день приносил новые неожиданности, которые потом приходилось или долго расхлебывать, или изловчиться и пришить к какому-нибудь делу, авось пришьется.

- А ну рассказывай поподробнее! – скомандовал Кузин, глядя на пришельца, как на лопуха или на прожженного хитреца.

Георгий тихо произнес:

- Рассказывать мне нечего. Я подобрал ключ к церковной кассе.

- Где ключ? – вскрикнул, словно выстрелил начальник.

- Ключ я выбросил в речку, чтоб никто другой не мог вскрыть.

- Много денег взял? – начальник знал, что быстрыми вопросами можно обезоружить преступника.

- Денег много, но я их не считал.

- Так, все ясно.

Кузин с удовольствием нажал кнопку вызова. Вошел следователь Седов, высокий и широкий, как шкаф. Кузин коротко распорядился:

- Здесь повинная, возьми объяснение, потом поговоришь со священником. Парня в камеру. А потом действуй по обстановке. Вот и будет у нас раскрытие преступления – кражи в особо крупных размерах.

- Слушаюсь, - Седов моментально расположился рядом с Георгием, чтобы пресечь все его действия к побегу или насилию. Георгий стоял рядом

с ним обреченно, как агнец на заклание, но в его лице не было ни страха, ни потерянности. Кузина это даже смутило, но все же он не мог не выразить радости ловца, которому попался отличный улов.

- Ну, вот и будет генералу услада.

- Что? – не понял Седов.

- Ничего! – закричал Кузин. – Вы мух там ловите, а я за все должен отдуваться, преступников ловить!

Все закрутилось так быстро, что никто и осознать ничего не успел, как раздулось большое уголовное дело.

Отец Василий был ошарашен, когда узнал, что у него очистили кассу. И кто? Обожаемый Георгий, с которым он постоянно делил радость восстановления храма.

- Этого быть не может! – со слезами в голосе воскликнул отец Василий. И тут же в сокрушении обхватил свою седую голову.- неужто и эту чистую душу так злобно искусил дьявол?

Следователь, привыкший из всех рассуждений выуживать сухой остаток, не прореагировал на эмоциональные выводы батюшки, коротко заметил:

- Ваш подопечный пришел с повинной.

Батюшка встрепенулся и от лица прихода поспешно заявил:

- Ах, так, ну мы прощаем Георгия.

- Простить может суд, а он учтет все обстоятельства, - настороженно произнес Седов. Он боялся, что священник что-нибудь придумает, как бы вытащить парня из юридической удавки. И тогда Кузин накинёт эту удавку на Седова.

- Но как же так, Георгий еще так юн, и вдруг суд? – Батюшка ен мог понять, как же теперь помочь бедолаге, который совершил что-то непостижимое и удачное.

-Это опасный преступник, - заявил Седов. Он всей своей массивной фигурой почти насел на священника. – У вас много было в кассе денег?

- Много.

- Ну, вот, кража в особо крупных размерах, а соучастника преступления вы скроете, если будете нам мешать. Тогда архиерей будет судить вас за эту кражу. К тому же восстановление храма у вас надолго теперь приостановится. И какой вы будете иметь вид, если станете выгораживать особо опасного преступника?

- А куда Георгий дел деньги? – недоуменно спросил священник. Он ведь видел, что юноша к мамоне был совсем равнодушен.

- Он врет, как все ворюги. Говорит, что кому-то отдал. Но сообщников не открывает, тем хуже для него, - твердо произнес Седов, видно давно излечившийся от сострадания к преступникам, которые мешают жить обществу.

- Но ведь это – повинная, - батюшка все не мог смириться с таким поворотом дел.

- Нас гуманный суд рассмотрит все смягчающие обстоятельства, - с гордостью, видимо, от всего правосудия объявил Седов.

Георгия осудили на три года. Он отсидел от звонка до звонка и пришел как раз через месяц после того, как отец Василий совершил торжественное богослужение в храме уже под новым куполом. Георгий появился перед священником таким веселым и возбужденным от встречи, словно он приехал после увлекательного путешествия, о перепетиях которого ему вроде не терпелось поведать дорогому батюшке. Георгий, конечно, возмужал, даже на казенных харчах, но его глаза по-прежнему светились детской радостью. Отец Василий даже растерялся от такого впечатления. Но и ему не удалось взять суровый тон, и священник почти ласково обратился к парню:

- Ну, Георгий, ты готов каяться?

- Еще как готов!

- А оплакивал ты свои великие грехи?

- Еще как оплакивал! Иногда от слез у меня вся подушка была мокрая.

Отец Василий не торопился задавать вопрос, почему же такой радостный вид у парня, словно он стяжал какой-то великий приз? Но парень все ему сам объяснил:

- Я, конечно, плакал, отец Василий. Нина на украденные мною деньги купила квартиру. Брошенный ее муж совсем спился и умер. Дети ее учились. Но про деньги она не спрашивала Георгия, будто и не было того дня, когда он принес ей ту пачку купюр, которую она спрятала в кошелку. На суд она не ходила. И теперь здоровалась с Георгием, как с обыкновенным соседом. А вот ее ребята, счастливые и довольные встретили Георгия во дворе, будто к ним вернулся отец родной. Они теперь не грозились есть по мешку конфет, но было видно, что они сыты и по-детски беззаботны, хотя старший уже вымахал по плечу Георгия. И он радостно сообщил батюшке:

- Я рад, что у Нины в семье все благополучно.

Батюшка и забыл, какими чистыми прозрачными были глаза Георгия..

- Ах ты мой милый глупец! – воскликнул отец Василий почти с умилением. – Да ты хоть понимаешь, что совершил такой грех? Купол на нашем храме появился на два года позже. Получается, что мы обманули людей, которые принесли деньги на храм. – Отец Василий делил эту вину пополам с Георгием. Тот так тяжело вздохнул:

- О. еще как я понимаю! Самая большая мука там, в тюрьме мне была, когда я мысленно представлял, какой красоты я лишил храм. Но если бы Нина поубивала своих детей? Отец Василий, поверьте, она была близка к этому.

- Ах, ты - дурачок, - снова умилился батюшка. – Но что сделаешь, если на таких дурачках еще свет наш держится? А теперь расскажи мне: тебя обижали в тюрьме?

- По началу совсем тяжело было, а потом отстали все и называли, как вы меня, дурачок. А с дурачка что взять? Но вот если письмо печально получали из дома, ко мне шли для утешения. А как их не утешить? Все преступники жалкие, такие же, как и я. Вместе с ними поплачем, посмеемся. Мне радостно было, когда они успокаивались. Я их всегда прощал, когда они

меня обманывали, обворовывали.. Мне даже нравилось, что они меня считали за дурачка.

- Ты дитя, хоть и был в камере. – Отец Василий вдруг стал таким печальным и грустно произнес:

- Мне страшно за тебя, Георгий, как ты будешь теперь на воле? Приходи в храм как можно чаще. Слышишь, почаще, понял?

- Я вам, конечно же, надоем, отец Василий, никто меня не понимает и не любит так, как вы. Я ведь хоть и дурачок, а тоже хочу понимания.

Так и расстались они, осчастливленные своей дивной дружбой, не ведая, что это начальное объяснение у них было перед новой долгой разлукой. Георгий после того посещения батюшки в храме, пропал начисто. Его все не было и не было. Отец Василий уже очень сильно разволновался: куда же сгинул Георгий опять? Батюшка пошел разыскивать его. Где был дом и комната Георгия ему показали первые встречные.

Елизавета Петровна сидела в комнате одна, горестно подпирая свою уже поседевшую голову. Она была в темном стареньком платье. Отец Василий оглядел эту чистую комнату со старомодной мебелью, будто надеясь увидеть хоть какие-нибудь следы пребывания своего юного друга. В комнате не было даже его одежды.

- Где Георгий?

- Где ж ему быть, в тюрьме, - обреченно произнесла Елизавета Петровна.- Вот родила сынка, чтоб носить ему передачи по тюрьмам.

Сколько горечи и злости было в ее голосе, но все же на батюшку она взглянула вопросительно:

- Опять проворовался? Где же ворованное? Вот пустые стены. Ему теперь дали пять лет. Рецидивист он у нас.

Отец Василий был так опечален, что впору Елизавете Петровне было его утешать:

- Что теперь делать, батюшка, коль ему тюрьма стала домом родным? Знаете, мне даже легче стало, когда его закрыли. Что может еще натворить этот дурачок?

Отец Василий явно затруднился ответить на этот вопрос. Елизавета Петровна бросила взгляд за окно и печально произнесла:

- Некому теперь разводить цветы на нашем огороде. Пробовала я, но они у меня почему-то не цветут.

... Через четыре года Георгий появился снова в храме. За хорошее поведение его из тюрьмы отпустили раньше. Глаза его смотрели на все так, будто он знал что-то такое, что другим было не ведомо. Отец Василий просто бросился ему навстречу со слезами на глазах, так, наверное. Отец встречал своего блудного сына. И у парня на лице расцвела такая неопишуемая радость!

- Как я счастлив вас видеть, батюшка! Как я мечтал снова оказаться в своем родном храме! Вот сейчас я будто заново родился. Так хорошо снова оказаться дома.

Отец Василий тут же поставил парня на исповедь, но был от нее сам в полной растерянности. Оказывается, парень повторной кражи не совершал. А служители Фемиды умудрились повесить на него чужое преступление. На суде он отнекивался, но кто поверит уголовнику? На него даже нашлись свидетели. И как их было жалко Георгию за ложь! Как же их затерзала жизнь, что они решились на такое!

- После приговора я испугался. А потом вспомнил ваши слова о несправедливых наказаниях. Вы говорили, что тогда сам Господь утешает обиженных. И я это почувствовал, отец Василий. Там, за решеткой мне было так спокойно и радостно, будто я оказался у Бога за пазухой. Все мучились, страдали. А я их утешал. Льец Василий, я даже не знал, что так может утешить Господь.

- Невинные страдания, когда человек переносит их благодушно, приносят ему радость, - задумчиво произнес отец Василий, будто он сам по-особому узрел эту истину в глазах Георгия, истину, которую он часто изрекал только устами, а теперь она сама заговорила в его сердце. Батюшка вдруг встрепенулся и воскликнул:

- Георгий, ты должен уехать.

- Как уехать, я только вернулся.

- Хочешь опять оказаться в тюрьме? На тебя, рецидивиста проще всего повесить любое преступление, даже убийство. Уезжай, дорогой.- У отца Василия сорвалось такое обращение с уст, но ведь для него любой прихожанин должен быть, как сын. – У меня мама живет в деревне, в Брянской области. Вот к ней ты и поедешь, будешь ухаживать за одиноким, беспомощным человеком. С Елизаветой Петровной я сам поговорю. Все, завтра же я сам тебя и отвезу в деревню.

Так Георгий оказался за три сотни километров от родного города. Он писал и матери, и отцу Василию такие радостные письма, называя свое житье райским. Он сажал огород, косил траву, ходил за грибами в лес. Научился многим сельским работам. Помогал не только матушке отца Василия, но всем старушкам села, кому воду носить, кому дом подправить. Старушки ласково называли его сыночком. А мужчины удивлялись. Что за парень, не пьет, не курит, по бабам не ходит. То ли монах, то ли больной какой? Но все же уважали его. Ну, к кому обратиться, если нужна какая помощь? В деревне она всегда нужна.

Так прошло еще три года. Отец Василий каждый месяц навещал свою матушку. Она встречала его всегда с радостью:

- А вот и второй сыночек приехал.

Она целовала сыну руки, но не так, как прихожане, с благоговением, а с материнской лаской.

- Я, сынок, по тебе скучаю. Если б ни Георгий, извелась бы. Он мне несет твою любовь. Как же могли его у вас так обижать?

- Мама, жизнь теперь такая сложная. Я тоже, мама, скучаю по тебе, по Георгию. Я будто чувствую, что это мой сын. Господь не дал мне кровных детей, но я чувствую, что мой духовный сын очень дорог мне, как и ты,

матушка. Я даже боюсь сильной привязанности к нему. Все земные излишние привязанности греховны. Но когда я гляжу в его глаза, вижу ангельский свет.

Матушка всей душой понимала своего сына:

- Я сама люблю Георгия такой же любовью, как и тебя. Он убрал мое одиночество. Ты выпросил мне у Бога утешение. Когда кругом все походили с ума, все им мало денег, да почета. А нашему Георгию все хорошо. Он особо рад, когда помогает людям.

- Я учусь у него служению людям. И все же у него все не по разуму. А может, у нас все не по разуму у боящихся положить душу за други свои?

И с Георгием батюшка тоже беседовал о духовном. Всем парень был всегда доволен. А что ему еще желать, когда такая красота вокруг и когда дождь идет, и когда солнце светит. К чему печалиться, когда такой дорогой батюшка любит его всей душой? Заботится о нем и его матушка, ласковая, нежная.

Отец Василий опекал и Елизавету Петровну. И она его постоянно благодарила:

- Вы для меня, как сынок родной, не то, что мой оболтус. Спасибо, что вы и обо мне, и о нем так сердечно заботитесь. И его не забываете.

- Я к нему, как на крыльях лечу. Это не обуза. Вымотаешься в трудах и посмотришь в его глаза, и радостью напитаешься.

Елизавета Петровна ответила:

- Мой сын полоумный, но не злой.

Да, батюшка то ли опекал, то ли опекался у своего новоявленного сына. И как бы научился по-детски смотреть на мир.

Но наступил день, когда отец Василий вернулся из родной деревни в трауре.. Его вызвали телеграммой, в которой сообщили, что Георгий находится в больнице. Парень лежал в самом Брянске, в ожоговом отделении. Его ждала медаль «За отвагу на пожаре». Отцу Василию рассказали все подробно. В селе загорелся двухэтажный жом фермера Килова. Дома были двое маленьких мальчиков. До приезда пожарных из райцентра они бы погибли. Георгий вытащил их из горящего дома. А сам сильно обгорел. Милиция стал вести следствие. Было подозрение. Что фермеру отомстили за какие-то делишки.

- А жертвой опять оказался Георгий. Неужели его нельзя спасти?- вопрошал отец Василий жалобно.

- Надежды мало, - ответил врач, видно опытный и не из тех, кто не борется за пациента до последнего. – Он погибает, Георгию отказывают почки. Но я мало видел таких мужественных больных.

- Его можно увидеть? – спросил отец Василий.

- Он в реанимации и без сознания. Вы отец?

- Да,

- Ну, тогда я провожу вас.

Георгий лежал на кушетке, спеленатый бинтами. Его лицо, покрытое какой-то белой мазью, как маской, трудно было узнать. Видно было, что он сильно страдает. По лицу ходили судороги.

Отец Василий с непередаваемой душевной болью стоял рядом и молился, чтобы Господь облегчил страдания раба Божия Георгия.

- Сынок, я все-таки не смог тебя спасти, - чуть слышно произнес батюшка.

Неожиданно Георгий открыл глаза, как и прежде небесно чистые. Увидев отца Василия, они с такой радостью вспыхнули, и блаженство разлилось по его лицу.

- Я все-таки спас деток, - произнес Георгий внятно и снова потерял сознание.

Через два часа он умер, и отец Василий впервые в своей взрослой жизни рыдал, как ребенок:

- Умер сын радости, - повторял он с невыразимой болью. – Нет, не умер, он всегда будет жить в моем сердце.